

Слова режиссёра Линь повергли зал в оцепенение. Никто не ожидал, что она прямо здесь, перед камерами, предложит этой троице роли в своём новом фильме!

И другие участники, наблюдавшие за сценой из зала, и зрители, хоть немного знакомые с законами шоу-бизнеса, прекрасно понимали вес этого предложения. Всего пару месяцев назад две популярные актрисы устроили в сети настоящую войну компроматов, поливая друг друга грязью две недели кряду ради крошечного эпизода в картине Линь Юэшу! А тут — невероятный подарок судьбы, упавший прямо с неба.

Творческие люди определённо не от мира сего. На мгновение в студии воцарилась звенящая тишина. Все ошеломлённо, с лёгким недоумением разглядывали режиссёра, которая, казалось, полностью погрузилась в собственные мысли.

Лишь один из комментаторов в трансляции опомнился быстрее прочих и запереживал за ошеломлённых актёров:

— Соглашайтесь же! Для новичков это шанс один на миллион!

Но его призыв тут же утонул в лавине восторженных откликов:

— А-а-а-а, Юэжу! Моя Юэжу! Срочно бегу пересматривать «Кровавую луну»!

— Господи, я напрочь забыл, что Чу Цинюнь — парень! Я натурал, но, кажется, только что влюбился в него!

— Божественное исполнение! Они потрясли меня даже сильнее, чем оригинальный фильм! В кинотеатре я не проронил ни слезинки, а тут разрыдался. Так больно осознавать, что Юэжу и Маршал так и не дожили до победы...

— У-у-у, неужели никто не шипперит Юэжу и Синхуа? Когда она вытирала её слёзы, моё сердце просто расколосось. Обожаю такие моменты!

— А сцена, где она снимает халат?! Это было слишком горячо! Безумно хочу встать перед ней на колени, чтобы она сжала мои щёки, а-а-а-а!

— Предыдущий извращенец, остынь. На сцене была не Юэжу, а Чу Цинюнь.

— Любители пекинской оперы в экстазе! Я пришёл ради «Дворца вечной жизни», но это превзошло все ожидания! Никакой фонограммы, он пел вживую! И действительно владеет техникой дань! Хотя даже в кино за актёров пели дублёры!

— У них после такого не будет кризиса гендерной идентичности? Лично у меня он уже

начался. Мой мозг наотрез отказывается верить, что это травести-роли!

Сун Сюйян, связанный контрактом с агентством, не мог принять такое предложение без согласования с руководством. Хэ Юэ, всё ещё не оправившись от сценического напряжения, растерянно замерла и умоляюще посмотрела на Чу Цинюня, ища поддержки.

Чу Цинюнь подбодрил коллегу тёплым взглядом, успокоил жестом растерявшегося ведущего и с мягкой улыбкой обратился к режиссёру:

— Режиссёр Линь, позвольте узнать, о какой роли идёт речь?

— О роли, созданной специально для тебя, — в глазах Линь Юэшу вспыхнул фанатичный, почти лихорадочный блеск. — Я полгода безуспешно искала актёра. Этот персонаж — твой и только твой. Ты обязан согласиться.

— Прямо сейчас у меня при себе нет телефона, — Чу Цинюнь машинально опустил ладони на бёдра, туда, где на обычной одежде располагались карманы. Но сейчас его пальцы лишь подчеркнули невероятно изящный, заставляющий затаить дыхание изгиб талии. — Что, если мы обменяемся контактами после окончания съёмок? Я бы с удовольствием взглянул на сценарий.

Среди конкурсантов в зале пробежал недовольный шёпот. Некоторые завистливо заскрежетали зубами. Чу Цинюнь окончательно лишился ума или просто возомнил о себе невесть что? Это же сама Линь Юэшу! Любая роль в её картинах — даже третьестепенная — гарантировала мгновенный взлёт и бешеную популярность. Окажись на его месте кто-то другой, он бы согласился не задумываясь, а этот выскочка смеет кокетничать и требовать сценарий на ознакомление!

Линь Юэшу проследила за его движением. Её взгляд надолго приковался к тонкой талии юноши — и в этом взоре было куда больше жадного восхищения, чем у экранного Маршала. Наконец она шумно выдохнула и согласно кивнула:

— Хорошо... Договорились. Но с одним условием: сохрани эту фигуру и ни в коем случае не стриги волосы.

— Идёт, — согласился Чу Цинюнь.

Удовлетворённо улыбнувшись, режиссёр ещё раз окинула парня оценивающим взглядом с ног до головы и лишь после этого соизволила обратить внимание на ведущего, который уже несколько минут тщетно пытался вернуть её на место.

— Да не торопи меня, ухожу уже, — бросила она.

Ведущий с облегчением выдохнул и виновато улыбнулся:

— Вы так стремительно ворвались на сцену, что я испугался, не собираетесь ли вы поколотить Хэ Юэ.

Линь Юэшу шутливо нахмурилась и сделала шаг назад, к актёрам. Ведущий в панике преградил ей путь руками, спровоцировав новый взрыв хохота в зале, под который почётную гостью наконец проводили обратно в судейское кресло.

Эта весёлая интермедия помогла разрядить гнетущую атмосферу драмы. Зрители понемногу успокаивались, хотя из разных концов зала всё ещё доносились приглушённые всхлипывания. Самые впечатлительные не могли сдержать слёз, просто глядя на стоявшее на сцене трио.

— Давайте дадим режиссёру Линь время выставить оценки, — с улыбкой произнёс ведущий. — А пока мы спросим наших конкурсантов. Ребята, как вы сами оцениваете своё сегодняшнее выступление? Довольны результатом?

— Более чем, — кивнул Сун Сюйян. — На сцене всё прошло гораздо лучше, чем на вчерашнем прогоне. Если честно, я до сих пор до конца не вышел из образа.

— А вы, Хэ Юэ? Насколько я знаю, исполнитель роли Маршала в оригинальном фильме, учитель У, — ваш кумир. Каково это — примерить на себя образ, созданный вашим идеалом?

— Я... — Хэ Юэ на секунду замялась, а потом искренне рассмеялась: — Сказать по правде, из-за моей безграничной любви к учителю У я всегда смотрела на Маршала сквозь розовые очки. При просмотре фильма мне было безумно его жаль. Но когда пришлось играть его самой...

Зрители замерли, ожидая услышать, что она разочаровалась в персонаже, но Хэ Юэ неожиданно добавила:

— Теперь я понимаю его как никто другой!

Зал озадаченно притих.

Пользуясь положением, Хэ Юэ — под завистливыми взглядами зала и жюри — раскинула руки и крепко притянула к себе стоявших по бокам мужчин за талии.

Сун Сюйян даже не пошевелился, а вот хрупкий Чу Цинюнь от неожиданности покачнулся и сделал полшага в сторону. Объятия Хэ Юэ лишь подчеркнули, насколько тонка его талия — казалось, её можно обхватить пальцами одной руки.

Видя, как девушка бесцеремонно обнимает двух признанных красавцев, зал разразился

шутливым свистом и улюлюканьем. Но «жёны» лишь снисливо улыбнулись и послушно присели, чтобы казаться ниже своей «покровительницы», идеально отыгрывая роли покорных наложниц.

Хэ Юэ мгновенно переключилась в образ самодовольного военачальника и нагло ухмыльнулась:

— Когда у тебя такие жёны, немудрено потерять голову! За право обнимать их я бы сама с радостью подставила лоб под удар!

Студия взорвалась смехом.

Все трое выглядели заметно оживлённее и веселее, чем обычно. Вдоволь надурочившись, они вернулись на свои места.

— Ладно, шутки в сторону, — Хэ Юэ попыталась напустить на себя серьёзный вид, хотя уголки её губ всё ещё подрагивали. — На самом деле, примерив эту роль, я поняла, насколько поверхностно судила о Маршале раньше. В кульминационный момент я буквально слилась со своим персонажем. И осознала, что его чувства к Юэжу — это не просто банальное плотское влечение. Это было благоговение, почти религиозное поклонение перед её силой духа. По крайней мере, когда я была там, на сцене... мои эмоции по отношению к Чу Цинюню были невероятно сложными и запутанными.

По мере того как тон Хэ Юэ становился всё более вдумчивым, притихли и скептики в зале. Трактовка образов могла различаться, но в одном зрители были солидарны: в этот вечер было чертовски трудно не влюбиться в Чу Цинюня.

— Мне сейчас даже смотреть на него неловко, — Хэ Юэ демонстративно отвернулась от партнёра и с улыбкой посмотрела на ведущего. — Стоит бросить взгляд — и перед глазами встаёт Юэжу. А от мыслей о ней хочется плакать. И любить её ещё сильнее.

— Аналогично, — поддакнул Сун Сюйян, скопировав её позу.

Развеселившийся ведущий подошёл поближе к Чу Цинюню:

— Ну а каково тебе греться в лучах этой всеобщей любви?

Юноша выразительно прищурил свои великолепные миндалевидные глаза, нахмурился и состроил уморительную гримасу глубокого отвращения. Зрители снова дружно расхохотались.

— Твоё лицо говорит само за себя! — покачал головой ведущий. — Твои партнёры признаются, что полностью растворились в своих героях. На прошлом этапе Чэнь Сяоди описывал это как некое мистическое переживание. А что скажешь ты? Тебе трудно выходить из образа после

финального аккорда?

— Пожалуй, шлейф роли действительно какое-то время тянется за мной... — мягко ответил Чу Цинюнь.

Его слова прозвучали именно так, как хотелось публике. Было бы верхом жестокости признать, что он, заставивший весь зал рыдать и сопереживать трагедии ушедшей эпохи, сам остался абсолютно холоден и расчётлив.

Сун Сюйян тихонько фыркнул и закатил глаза. «Лицемер бездушный», — мысленно хмыкнул он. Уж кто-кто, а он прекрасно видел, что Чу Цинюнь просто говорит то, что от него хотят услышать. Этот тип умудрился полностью отбросить эмоции персонажа в ту самую секунду, когда опустился занавес, да ещё и его, Сюйяна, успел бесцеремонно вернуть в реальность.

Стоп.

Сюйян внезапно замер, осознав, что его рука снова непроизвольно потянулась к подолу ципао, в точности воспроизводя кокетливый жест Пятой госпожи!

Чёрт, он опять попался на эту удочку!

К счастью, ведущий был полностью поглощён диалогом с Чу Цинюнем и не заметил его конфуза. Сюйян облегчённо перевёл дух. Однако от внимательных глаз зрителей ничего не утаилось: объективы камер запечатлели этот забавный момент внутренней борьбы во всех подробностях. Впоследствии эти кадры разлетятся по соцсетям, превратившись в вирусные мемы и обеспечив выступлению первые строчки в трендах.

— Что ж, судейская коллегия готова огласить результаты, — объявил ведущий. — Посмотрим на оценки наших мастеров.

Режиссёр Чжу Ли сокрушённо покачала головой:

— Признаться честно, Чу Цинюнь, за всё время съёмок этого шоу я плакала всего дважды. И оба раза — по твоей вине.

Чу Цинюнь изящно, в манере своей героини Юэжу, присел в полупоклоне:

— Для меня это огромная честь.

Ведущий прыснул в кулак, а Хэ Юэ театрально схватила за сердце, изображая обморок от избытка чувств.

— Ваше выступление — чистый восторг, — продолжила Чжу Ли. — Я напрочь забыла о ваших настоящих полах. Разумеется, смысловым стержнем сцены был Чу Цинюнь. Твоё понимание психологии Юэжу и невероятная эстетика движений заставляют меня хотеть пересматривать этот фрагмент снова и снова. Но и наш Маршал ничуть не уступил партнёру. Хэ Юэ, когда твоего героя загнали в угол и он внутренне сломался — эта эмоциональная катастрофа была передана безупречно. Ты держалась на равных с лидером сцены. И, наконец, Сун Сюйян...

Сун Сюйян решил больше не сопротивляться неизбежному. Раз уж на нём шёлковое платье, почему бы не побыть немного покорной женой?

— Я весь внимание, — кротко отозвался он.

— Именно ты стал для меня главным открытием, — улыбнулась Чжу Ли. — Да, в центре внимания были они, но твоя роль — цементирующая. Ты держал ритм всей сцены, направлял её течение, а финальное перерождение твоего персонажа стало великолепной кульминацией. Своей игрой ты заставил полностью забыть о любых несовершенствах реквизита. Я просто не могу выделить кого-то одного.

Она продемонстрировала табличку с оценками:

— Мой вердикт: три девяносто восьмёрки. А два балла я сняла исключительно из-за Хэ Юэ — ты слишком быстро запахла халат Чу Цинюня, я даже рассмотреть ничего не успела!

В зале поднялся весёлый гул. Эта шутка Чжу Ли окончательно закрепила атмосферу лёгкого, почти праздничного безумия, охватившего и зрителей, и судей, и уставших, но счастливых актёров на сцене.

Фан Чжоо последовал её примеру, выставив три аналогичные оценки:

— Режиссёр Линь абсолютно права: ваши образы — плод глубокой интеллектуальной работы. Пятая госпожа оказалась далеко не так проста и однозначна в своей покорности, а Маршал — не банальный похотливый солдафон. Сыграть столь глубокие, многогранные характеры на таком уровне... Для меня вы — абсолютные триумфаторы сегодняшнего дня.

Особое отношение режиссёра Цзяна к таланту Чу Цинюня ни для кого не было секретом. Он всегда судил юношу строже остальных, но сегодня даже этот требовательный мастер остался покорён. Цзян присудил фавориту девяносто девять баллов, а его партнёрам — по девяносто семь.

Но главным сюрпризом стало решение Линь Юэшу. Она обошлась без лишних слов, просто подняв таблички.

Три сотни. Абсолютный максимум!

Зал буквально взорвался от восторга.

— Ну что, Юэшу, — с довольной усмешкой обратился к ней режиссёр Цзян. — Ты ведь сомневалась, стоит ли давать им эту сложнейшую драматическую сцену? Теперь ты по-прежнему считаешь, что я выбираю актёров исключительно по красивым глазкам?

— Признаю своё поражение, — покачала головой Линь Юэшу. — Твоё профессиональное чутьё безупречно. Мне есть чему у тебя поучиться.

Казалось, она была опьянена зрелищем сильнее, чем экранный Маршал своим вином. Режиссёр с досадой хлопнула ладонью по столу:

— Какая жалость! Ну почему это всего лишь игра?!

Все в индустрии знали о нетрадиционной ориентации Линь Юэшу, так что её бурная реакция никого не удивила. Чу Цинюнь шутливо натянул воротник повыше, изображая испуг:

— Режиссёр Линь, умоляю, держите себя в руках.

— Помни о своём обещании! — пригрозила она пальцем. — И не смей приближаться к парикмахерским!

Юноша на сцене сделал вид, что испугался ещё сильнее. В зале зашептались, строя двусмысленные догадки. Уж не пытается ли именитый режиссёр открыто намекнуть на «особые условия» сотрудничества? Неужели она настолько осмелела, что делает это прямо под прицелом телекамер?

— Режиссёр Линь, позвольте напомнить: я мужчина, — с улыбкой вздохнул Чу Цинюнь.

— Да знаю я! — сокрушённо воскликнула та. — Именно поэтому я предлагаю тебе только работу. Будь ты настоящей Юэжу, я бы до последнего гроша разорилась, но добилась бы твоего сердца!

Эта полушутливая тирада вызвала новый шквал хохота. Однако, когда смех поутих, многие невольно поймали себя на той же мысли. Перед глазами зрителей всё ещё стоял тот порочный, гипнотизирующий контраст: ослепительно белая кожа и дерзкое чёрное бельё.

Невероятный магнетизм образа Юэжу в исполнении Чу Цинюня заставлял сердца биться чаще, а щёки — пылать румянцем. Если бы на сцене стояла реальная женщина с таким лицом и характером...

Ощущая на себе десятки жадных, гипнотизирующих взглядов, Чу Цинюнь молча одолжил у Хэ

Юэ резинку и быстро перехватил длинные волосы на затылке. Этот простой жест мгновенно вернул его облику мужественность: чётче проступили резкие линии челюсти, стал заметен кадык. Он сделал всё, чтобы визуально отделиться от образа хрупкой Юэжу.

Увы, это почти не помогло. Проступившие мужские черты лишь добавили его образу опасной, хищной притягательности. Теперь он казался ещё более загадочным и манящим. Взгляды судей, зрителей на трибунах и даже замерших рядом коллег вспыхнули с новой, ещё более жаркой силой.

Чу Цинюнь тихо вздохнул и мысленно сдался. С этим безумием бороться было бесполезно.

<http://bllate.org/book/20480/2209012>